

Мия Тейк

ОТРАБОТАЕШЬ

Нас будет двое

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мия Тейк

Отработашь. Нас будет двое

«Автор»

2026

Тейк М.

Отработаешь. Нас будет двое / М. Тейк — «Автор», 2026

— Подпиши. Тридцать дней. И брат не сядет.— Это долг?— Это протокол. Я антикризисный консультант. Двенадцать лет читаю мелкий шрифт за других. Сегодня мелкий шрифт про меня. Брат подписал меня поручителем. Сумма — неподъёмная. Суд — не вариант. Савва Дергачёв предлагает закрыть иначе: тридцать суток в протоколе собственности. Я думала — он. Один. Холодный. С короткими приказами. В первую ночь на светлом ковре я понимаю главное. Их двое. Савва говорит. Филипп делает. Один голос. Два тела. На колени. Рот. Глотай. Не двигайся. Стоп-слово есть. Жар — с первой ночи. Без купюр. Без «потом полюбим». Я умею считать риски. Вопрос только один: выдержу ли я двадцать девять дней или уже не захочу выходить?

© Тейк М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Мия Тейк

Отработаешь. Нас будет двое

Глава 1

Сумма на первой странице написана прописью. Я читаю её дважды, хотя цифры уже знаю наизусть. Четырнадцать миллионов восемьсот тысяч. Прописью выглядит неприличнее, чем цифрами.

Я двенадцать лет объясняю людям, как жить с долгами. Рисую графики, режу кости, веду переговоры с кредиторами, которые сидят на таких же стульях, как этот. Сегодня я на другой стороне стола, и стул подо мной, кажется, на два сантиметра ниже, чем у него.

– Читай, – говорит Савва Дергачёв.

Это первое слово, которое он произносит с тех пор, как секретарь вышла и закрыла дверь. Ему тридцать восемь. Серый свитер тонкой шерсти, никакого галстука, никаких часов на виду. Руки лежат на столе ладонями вниз. Я смотрю на них дольше, чем нужно для чтения.

– Я читаю.

– Ты считаешь.

– Одно другому не мешает.

Он не улыбается. Просто чуть сдвигает папку ко мне.

Расклад простой, и я выучила его за ночь. Мой брат Костя взял в «Север-Капитале» заём под бизнес, который оказался воздухом. Поручителем вписал меня. Не спросил. Подделал подпись, а потом сам же в этом признался, сидя на моей кухне и глядя в стол. Теперь у фонда есть заявление в полицию, готовое к подаче, и есть я. Статья сто пятьдесят#, мошенничество в особо крупном. Костя получит срок. Мне достанется долг, который я не закрою и за двадцать лет.

Савва позвонил мне сам. Назвал время, адрес и сказал одно предложение: «Есть вариант, при котором никто не садится».

Вариант лежит передо мной на двадцати двух страницах.

– Тридцать дней, – говорю я. – Раздел два. «Режим собственности».

– Да.

– Здесь нет определения. Есть отсылка к «Приложению П». Приложения нет.

– Приложение устное.

– Устное приложение к договору на четырнадцать миллионов. – Я кладу ручку. – Савва Андреевич, вы юристов своих уважаете?

– Я им плачу. Это сильнее.

Он встаёт, обходит стол и садится на его край. Рядом со мной, в метре. Слишком близко для переговоров, ровно настолько, чтобы я чувствовала тепло его ноги сквозь воздух.

– Собственность, – говорит он, – это протокол. Тридцать дней ты живёшь по нему. Днём работаешь, мне нужен антикризисник, и ты будешь вести моё дело по брату, как захочешь. Ночью ты принадлежишь протоколу. Стоп-слово одно: «красный». Скажешь его, и всё останавливается, сразу, без вопросов. Но тогда останавливается и договор. Заявление уходит в ход.

Я слышу, как работает кондиционер. Пальцы на ручке влажные. Вытираю их о колено платья и возвращаю ручку на бумагу.

– Протокол – это секс.

– Это протокол.

– Секс с вами.

– Протокол – это двое. – Он говорит ровно, как называет номер статьи. – Ты узнаешь сегодня. Подпишешь сейчас, до того как узнаешь.

Вот оно. Подпись до информации. Любой нормальный консультант вскочил бы и ушёл, и я это знаю лучше всех. Я знаю и другое: у Кости двадцать шесть лет, мягкие руки и мама, которая звонит мне по воскресеньям.

Я просчитываю риски. Физический: он не выглядит человеком, который калечит. Юридический: договор кабальный, оспоримый, но оспаривать я буду из-за решётки или после неё, если не подпишу, ведь заявление уйдёт. Репутационный. Я смотрю на его руки.

Риск, что мне захочется, я в таблицу не вношу.

Подписываю. На каждой странице, и внизу полную. Ручка скребёт бумагу так, будто пишет на мне.

– Хорошо, – говорит Савва. – Сегодня в девять. Водитель заберёт.

Дом за городом, стекло и тёмное дерево, вокруг сосны. Водитель не говорит ни слова. В холле пусто, горит один торшер. Савва в той же рубашке, без свитера, рукава закатаны до локтей. Он стоит у лестницы и смотрит, как я снимаю пальто.

– Ты считала дорогу.

– Сорок минут. Два поворота после посёлка. Камеры на въезде.

– Хорошо. – Он кивает на гостиную. – Туфлиними.

Я снимаю. Паркет холодный. Я в чёрном платье до колен, в нём я ходила на переговоры по заводу в Туле. Выбрала его специально: если уж идти на убой, то в рабочей одежде.

– Иди на середину комнаты.

Иду. Ковёр там толстый, светлый, с длинным ворсом, и я понимаю, зачем он здесь, ещё до того, как Савва говорит:

– На колени.

Меня не бросает в жар и не подкашивает. Я просто стою и думаю: вот он, момент, когда можно сказать «красный». Первое же слово. Бесплатный выход. Бесплатный для меня и очень дорогой для Кости.

Я опускаюсь на колени.

Ворс щекочет голени. Я выпрямляю спину и смотрю прямо перед собой, на его пряжку. Тёмный ремень, простая сталь. Савва подходит. Его ботинки останавливаются в тридцати сантиметрах от моих коленей.

– Руки за спину. Правая держит левое запястье.

Делаю. Грудь выходит вперёд, платье натягивается. Он это видит, у него не меняется ничего, кроме дыхания, которое становится на полтона глубже.

– Правило первое: ты говоришь, когда я спрашиваю. Правило второе: ты не отводишь глаза, пока я не скажу. Правило третье: «красный» работает всегда. Повтори.

– «Красный» работает всегда.

– Хорошо.

Он берёт мои волосы. Не дёргает, а собирает у затылка в кулак, медленно, оборот за оборотом, пока кожа на голове не натягивается. Запрокидывает мне голову. Теперь я смотрю на него снизу. У него светлые глаза, обычные серые, без всякого арктического льда. Просто внимательные.

– Расстегни меня.

Пальцы не слушаются первые две секунды. Потом слушаются. Ремень, пуговица, молния. Звук молнии в тихой комнате громкий. Под тканью он уже твёрдый, и когда я освобождаю его, член выходит тяжёлый и горячий, сразу к моему лицу. Толстый, с тёмной головкой, с венами вдоль ствола. Я успеваю подумать: «Девять на пять, примерно» и ненавижу себя за эту оценку, а потом он говорит:

– Рот.

Я открываю.

Он входит не сразу. Сначала проводит головкой по моей нижней губе, оставляя влажный след, потом по языку, и только потом вводит до середины. Я принимаю. Вкус кожи, соли, чего-то мужского и чистого. Я закрываю губы вокруг него и сосу, как умею, с нажимом, и слышу, как он выдыхает носом.

– Глубже.

Я иду глубже. Головка упирается в нёбо, потом ниже, и горло дёргается. Слюна течёт по подбородку. Он держит мои волосы и не толкается сам, он ведёт мою голову на себя и обратно, и этот темп я чувствую каждым нервом. Не быстро. Размеренно, как метроном.

– Смотри на меня.

Я смотрю. Глаза слезятся, ресницы слипаются, но я смотрю. Он смотрит в ответ спокойно, и именно спокойствие бесит. Бесит и заводит. Между ног у меня мокро, и я знаю, что это видно по тому, как я сжимаю бёдра.

Я начинаю считать. Привычка. Шестнадцать движений, пауза, шестнадцать. Он меняет темп, и счёт сбивается. Я злюсь и работаю языком снизу по уздечке. Он втягивает воздух сквозь зубы.

– Умная, – говорит он. – Не геройствуй.

Я геройствую ещё три движения. Потом он вынимает себя из моего рта, и между губой и головкой тянется нить слюны. Я кашляю, мне разрешено, он ждёт.

– Встань.

Колени гудят. Я поднимаюсь, держась за собственное запястье, которое так и не отпустила.

– Он пришёл, – говорит Савва тихо. Не мне.

Я не слышала шагов. Оборачиваюсь.

В дверях гостиной стоит мужчина. Моего возраста или чуть старше, высокий, широкий в плечах, тёмные волосы коротко острижены, на скуле тонкий старый шрам. Белая рубашка расстёгнута у горла. В руках у него бархатный свёрток, из которого свисает кожаный ремешок.

Я знаю этого человека. Филипп Окунев, партнёр. Мы виделись один раз, на встрече по Косте, он сидел в углу и молчал. Тогда мне показалось, что он здесь просто для мебели.

– Двое, – говорю я вслух. Голос хрипит.

– Двое, – соглашается Савва. – Протокол – это мы оба. Ты слышала.

– Я думала...

– Ты думала, это фигура речи.

Я думала, что «двое» значит юристов. Свидетелей. Что угодно. Я стою в чужой гостиной с мокрым подбородком и смотрю, как Филипп без единого слова кладёт свёрток на кресло и подходит ко мне. Он не здоровается и не улыбается. Он останавливается за моей спиной, и по спине идёт тепло его тела.

Я могу сказать «красный». Сейчас. Это ровно тот момент, ради которого его придумали.

Я не говорю.

Не потому что смелая. Потому что злая. Потому что я подписала, не зная, и это моя ошибка, а я свои ошибки не передаю никому. Потому что руки Филиппа ложатся мне на плечи и, пока я решаю, начинают мягко, без всякой просьбы, сдвигать лямки платья вниз.

– Он ничего не скажет, – говорит Савва. – Его слова – мои. Если захочешь что-то узнать, спрашивай меня.

Платье падает к ногам. Филипп расстёгивает мне лифчик одним движением, и я стою голая, если не считать чулок, под двумя взглядами. Грудь, живот, треугольник между ног. Мне двадцать девять, я никогда не стеснялась тела. Сейчас стесняюсь, и это разозлит меня сильнее, чем всё остальное.

Савва обходит меня. Берёт ладонью за подбородок.

– Первая ночь. Правила простые. Ты принимаешь то, что дают. Ты не кончаешь без разрешения. Ты отвечаешь, когда спрашивают. Всё понятно?

– Нет, – говорю я. – Но продолжай.

Что-то мелькает в его лице. Не улыбка, её тень.

– Хорошо. На диван.

Диван кожаный, холодный. Я ложусь на спину, как велят. Филипп садится у моей головы. Его руки берут мои запястья и разводят их над головой, не жёстко, но так, что я чувствую: вырваться не получится. Из свёртка он достаёт ремешок, широкий, с мягкой подкладкой, обхватывает им мои руки и затягивает на подлокотнике. Не больно. Надёжно. Ровно настолько, насколько нужно.

Он смотрит на меня сверху. Тёмные глаза, шрам, спокойное лицо. Потом наклоняется и проводит ладонью по моей шее, груди, животу, и всё это без единого слова. Рука тёплая, сухая, тяжёлая. Он останавливается у линии волос на лобке и поднимает глаза на Савву. Ждёт.

– Покажи ей темп, – говорит Савва.

Филипп кладёт руку мне между бёдер.

Я дёргаюсь. Он не пускает, левая рука прижимает мой живот к дивану, правая раздвигает губы и находит клитор. Два пальца, нажим, круг. Медленный. Очень медленный. Он двигает ими медленно, без спешки: у него весь вечер. Я издаю звук, которого не собиралась издавать.

– Тихо, – бросает Савва. Не грубо, но жёстко.

Я закусываю губу.

Круг, круг, круг. Он ускоряется на секунду, и мои бёдра подаются вверх, сами, без разрешения. Он тут же замедляет. Останавливается совсем. Пальцы лежат на клиторе, не двигаясь, и я чувствую каждое биение собственной крови. Я на краю. Он знает, что я на краю.

– Не двигайся, – говорит Савва.

Я лежу не двигаясь. Это самое трудное, что я делала в жизни. Дыхание рвётся. Слюна во рту густая. Я считаю до десяти, потом до двадцати. Филипп убирает руку.

Пусто. Мокро и пусто. Я ненавижу их обоих.

Савва раздевается. Рубашка, брюки, всё аккуратно на спинку кресла. Тело у него сухое, жилистое, без показной накачанности, на груди тёмные волосы, на плече длинный шрам. Член стоит, блестит от моей слюны. Он поворачивается к Филиппу.

– Держи.

Филипп кивает. Его руки перехватывают мои запястья поверх ремешка, ладони ложатся мне на плечи, пальцы давят в ключицы. Я лежу, как на столе. Я чувствую его колени у себя за головой.

Савва встаёт между моих ног. Раздвигает бёдра ладонями — большим пальцем на внутренней стороне, нажим до лёгкой боли. Смотрит туда.

– Мокрая.

– Это физиология, – хриплю я.

– Конечно.

Он берёт член в руку и проводит головкой по моим губам, вверх до клитора и вниз ко входу. Я напрягаюсь. Он замирает.

– Скажи, чего хочешь.

– Ничего.

– Лада.

– Хочу, чтобы ты...

Я останавливаюсь. Не потому что стыдно. Потому что вижу ловушку: если скажу, это станет моим согласием. Не договорным. Настоящим.

Он ждёт. Филипп давит на плечи, чуть, напоминая.

– Войди в меня, – говорю я. – Савва. Войди.

Он входит.

Медленно, на всю длину, и я чувствую, как растягиваюсь вокруг него, толстого, горячего, заполняющего до самой глубины. Я выгибаюсь, Филипп прижимает, и это, чёрт, это помогает. Я не могу дёрнуться, не могу уйти от этого, могу только лежать и принимать каждый сантиметр. Он упирается в самый конец, и из меня выходит стон, уже не сдержанный.

– Тихо, – повторяет Савва и начинает двигаться.

Не сразу быстро. Темп задаёт не он. Я понимаю это на третьем толчке. Руки Филиппа на моих плечах чуть сжимаются и разжимаются, чуть сжимаются и разжимаются, и Савва двигается в этот такт. Он говорит, а Филипп дышит, и вместе они один механизм. Один ритм. Я лежу между ними, как деталь.

Это должно было напугать. Это возбуждает до дрожи.

Он трахает меня глубоко, с оттяжкой, шлёпая животом о мои бёдра, и звук мокрый, неприличный, на всю гостиную. Я чувствую, как головка трёт какую-то точку внутри, и ноги сами обхватывают его поясницу.

– Ноги вниз.

Опускаю.

– Хорошо.

Он наклоняется и берёт мою грудь в рот. Прикусывает сосок, не сильно, ровно так, чтобы вскрикнуть. Я вскрикиваю. Филипп надавливая ладонью мне на горло, не душит, просто фиксирует, и мне хочется выругаться, и вместо этого я выгибаюсь навстречу.

– Просись, – говорит Савва.

– Что?

– Если хочешь кончить, проси.

Я смотрю на него. На его лицо над собой, на каплю пота на виске, на губы, мокрые от моей кожи. Он не спешит, он просто ждёт. Он ждёт, и мне хочется убить его и заплакать одновременно.

– Пожалуйста, – говорю я сквозь зубы. – Пожалуйста.

– Не так.

– Разреши мне кончить.

– Ещё.

– Савва, разреши мне, мать твою...

– Можно.

Пальцы Филиппа находят клитор, и я взрываюсь. Не постепенно, сразу, всем телом. Меня срывает сразу. Сжимаюсь на нём, кричу, ремешок врежется в запястья, икры сводит, и Савва не останавливается, он трахает меня сквозь всё это, глубже, быстрее, и я кончаю второй раз, не успев отдышаться от первого.

Потом он выходит.

– Рот, – говорит он. – Сейчас.

Филипп отпускает ремешок и поднимает меня за плечи, усаживает, сдвигает на пол. Я оказываюсь на коленях, мокрая, дрожащая, с разбитой головой и без следа от стыда. Савва стоит передо мной, и его член блестит от моих соков, красный, твёрдый, пульсирующий.

– Открой.

Я открываю.

Он входит, держит мою голову обеими руками, и теперь он не метроном. Теперь он берёт меня в рот жёстко, глубоко, быстро, до слёз. Я давлюсь, слюна течёт на грудь. Позади меня стоит Филипп, его рука на моём затылке, и он задаёт Савве темп, а Савва задаёт мне. Я чувствую вкус себя на нём, солёный, густой. Сквозь слёзы вижу его живот, напряжённый, и слышу, как его дыхание срывается.

– Глотай.

Первая струя бьёт в нёбо, горячая, густая. Вторая на язык. Я держу рот на нём, сглатываю, сглатываю ещё, пока он вздрагивает и толкается, и последние капли вытекают мне на губы. Горло работает. Горечь, соль, тепло. Я сглатываю всё. До последнего.

Он вынимает себя и вытирает головкой уголок моего рта. Смотрит.

– Покажи.

Я открываю рот. Пусто. Он кивает.

– Хорошо.

Я сижу на полу. Грудь поднимается часто, колени дрожат. Филипп отходит, берёт из бархатного свёртка полотенце, подаёт мне. Молча. Я вытираю подбородок и грудь, и руки у меня ходят.

Только сейчас до меня доходит: Филипп всё это время был твёрдым — я чувствовала это бедром, когда он держал меня за плечи. И он не кончил. Не вошёл. Не получил ничего, кроме моих запястий в ремешке.

Я поднимаю глаза на него. Он смотрит в ответ ровно. Ждёт чужой команды.

– Один час, – говорит Савва, натягивая брюки. – Потом ужин. Комната наверху, первая дверь.

– Это всё? – хриплю я. Голос чужой.

– Это первая ночь. Моя часть.

– Сорок минут. Это было сорок минут.

– Ты считала.

– Всегда считаю.

Он застёгивает пуговицы. Пауза. Берёт со столика папку, которую я сюда не приносила, и кладёт её рядом со мной на пол. Копия договора. Раскрыта на нужной странице.

– Раздел семь, пункт три. Ты его читала.

Я пробегаю глазами. В офисе этот абзац казался канцеляритом. Сейчас — нет.

«...Ночь в рамках Протокола засчитывается только при участии Оператора А и Оператора Б. Незавершённый цикл не сокращает Срок. Оператор Б действует по указанию Оператора А».

Незавершённый цикл не сокращает срок.

Я поднимаю глаза. Савва стоит над мной, спокойный, как в первую минуту. Филипп рядом, руки опущены, взгляд на мне. У него до сих пор стоит — это видно по брюкам.

– Сегодня была моя часть, – говорит Савва. – Его — завтра. До утра день не начался.

Я сижу на светлом ковре, голая, с чужим вкусом во рту, и впервые за двенадцать лет не знаю, какую цифру ставить в следующую ячейку таблицы.

Глава 2

Утром я просыпаюсь в чужой кровати и первым делом считаю. Не овец. Дни.

На телефоне открыта таблица, я составила её в два часа ночи, в ванной, сидя на краю ванны с гудящими бёдрами. Тридцать строк. Дата, статус, примечания. Напротив первой стоит «выполнено». Я смотрю на это слово и вспоминаю вчерашний ужин.

Ужин был тихий. Стейк, зелень, красное вино, которого я выпила один бокал, потому что Савва сказал: «Один». Филипп ел молча, как ест человек, который привык не вмешиваться в разговор. Я спросила, когда мне вернут телефон для работы. Савва ответил: «Он у тебя». Я спросила про машину. «Водитель». Потом я спросила, засчитана ли ночь.

Савва отрезал кусок мяса и сказал:

– Нет.

Я не донесла вилку до рта.

– Объясни.

– Раздел семь, пункт один. Ночь засчитывается при участии обоих Операторов. Вчера Филипп держал. Не участвовал.

– Он держал меня руками. Привязал. Он...

– Не участвовал, – повторил Савва. – Сегодня придётся добавить.

Вот так. Тридцать суток превращаются в тридцать плюс неизвестно сколько. Я двенадцать лет вижу такие формулировки в договорах, которые подписывают люди, не читающие мелкий шрифт. Сама подписала такой договор и сама же вчера сидела над ним с ручкой.

Я стираю в таблице «выполнено». Пишу «0/30».

Фонд занимает три этажа в стеклянной башне на набережной. Меня встречает секретарь, та самая, с вчерашней двери, зовут её Инна. Она отдаёт мне пропуск и ноутбук.

– Кабинет четыреста двенадцатый. Савва Андреевич просил передать: всё, что касается Константина Реута, в вашем распоряжении.

– Всё?

– Всё, что есть в системе.

Это хорошо. Это очень хорошо, потому что я умею искать там, где другие не смотрят.

Кабинет без окон, стол, два монитора, чайник. Я сажусь, включаю, и следующие четыре часа не думаю ни о чём, кроме цифр.

Заём Кости выдан одиннадцатого марта. Четырнадцать миллионов под двадцать два процента годовых, срок три года, обеспечение: поручительство физического лица, Реут Лада Андреевна. Подпись моя, стоит на странице шесть. Подделка плохая, почерк узнаваем, но и кто будет сравнивать? Дальше график платежей. Костя заплатил три раза. Потом перестал.

Я открываю скоринговую карточку. Её нет.

Я проверяю ещё раз. Нет. Ни отчёта по заёмщику, ни проверки бизнес-плана, ни кредитного комитета. В приложениях только короткая служебка: «Одобрено лично С.А. Дергачёвым».

Фонд, который живёт на взыскании, выдал четырнадцать миллионов человеку без анализа, без обеспечения, кроме подписи, которую любой эксперт назовёт фальшивой за пять минут.

Я откидываюсь в кресле. В кабинете гудит вентилятор.

Первая мысль: Савва небрежен. Я её отбрасываю сразу. Человек, у которого на столе вчера лежал договор в двадцать две страницы с ссылкой на устное приложение, не небрежен.

Вторая мысль: ему нужна была именно я. Эту мысль я пока не трогаю, кладу в дальний карман и застёгиваю.

Звонит телефон. На экране «Костя».

– Лада. – Голос мягкий, виноватый, как всегда. – Лада, я, это, мне сказали, что ты работаешь с ними. Ты в порядке? Они тебя не...

– Костя, – говорю я. – Три вопроса. Первый: куда ушли деньги?

Пауза.

– Лад, я не...

– Куда ушли четырнадцать миллионов?

– Я вложил в склад. В Подмоскovie. Мне обещали, что там будут стоять мои контейнеры, а потом...

– Второй: кто обещал?

– Партнёр. Ну, не партнёр, знакомый знакомого...

– Имя.

– Я не помню.

Я закрываю глаза. Мне двадцать девять, и у меня в кармане брат, которому двадцать шесть и который не помнит имени человека, забравшего у него четырнадцать миллионов.

– Третий вопрос, – говорю я. – Кто привёл тебя в «Север-Капитал»?

– Никто. Я сам. Нашёл в интернете.

– Сам.

– Лада, ты на меня сердишься?

Нет. Я на него не сержусь. Я хочу сказать ему, что не сплю нормально третий день, что вчера стояла на коленях перед чужим мужчиной, что теперь знаю, сколько весит чужой член в горле. Но он мягкий, он мой брат, и мама звонит по воскресеньям.

– Не звони мне пока, – говорю я. – Я сама наберу.

Кладу трубку. Рука не дрожит, и я этим горжусь.

Потом открываю новый файл и пишу заголовок: «Версия 1. Савва знал».

Вечером водитель везёт меня обратно. Дорога сорок минут, два поворота после посёлка. Я смотрю в окно и не думаю о том, что делаю.

В холле меня встречает Филипп.

Он стоит у лестницы, руки в карманах. Рубашка тёмная, рукава закатаны. Он смотрит на меня и не говорит ничего, и я привыкаю к этому быстрее, чем ожидала. Это не пустая тишина. Это молчание человека, чьи слова принадлежат кому-то другому.

– Привет, – говорю я.

Он наклоняет голову. Один раз.

– Савва где?

Филипп кивает на лестницу. Идёт первым. Я иду следом и смотрю ему в спину, на широкие плечи, на то, как двигаются лопатки под тканью. Мне двадцать девять, и у меня мокреет между ног от одной мысли о том, что будет дальше. Это неудобно. Это очень неудобно для человека, который считает риски.

Комната на втором этаже без окон, стены обиты тёмной тканью, пол деревянный. В центре низкая скамья, обитая кожей, с ремнями по бокам. У стены стойка, на ней несколько предметов: широкий ремень, узкий, плетё с мягкими хвостами, наручники с подкладкой. Савва стоит у стойки в одной рубашке и брюках.

– Раздевайся.

Я раздеваюсь. Платье на крючок, бельё поверх, чулки сворачиваю и кладу на стул. Стою голая, босиком. В комнате тепло, но руки холодные.

– Сегодня обучение, – говорит Савва. – Ты узнаешь позиции и правила. Всё повторяется. Будешь повторять, пока не выучишь.

– Как в школе.

– Как в школе, где оценки ставит тело.

Он подходит. Берёт меня за плечи и разворачивает лицом к стене.

– Позиция первая. Колени, спина прямая, руки за спиной, правая на левом запястье. Смотришь вперёд. Ждёшь.

Я встаю на колени. Дерево жёсткое, и я чувствую каждую доску.

– Позиция вторая. На четвереньки. Лопатки вместе, задница вверх, голова опущена.

Опускаюсь. Бёдра раскрыты, грудь свисает, волосы падают на лицо. Я знаю, как я выгляжу, и злость поднимается резко, горячо.

– Позиция третья.

Он называет их по очереди, я показываю. Стоя у стены, лицом вниз на скамье, на спине с руками над головой. Он поправляет мне то локоть, то колено, то разворот бёдер. Прикасается деловито, как инструктор. Я ловлю себя на том, что стараюсь не ошибаться, и это раздражает больше всего.

– Теперь ремень, – говорит он.

Он берёт широкий. Чёрная кожа, плотная, без украшений. Я смотрю на него и считаю: ширина четыре сантиметра, длина сантиметров восемьдесят, вес небольшой.

– Лицом вниз на скамью.

Ложусь. Кожа прохладная, сосок трётся о неё. Я чувствую руки Филиппа на моих запястьях, он стоит у изголовья и пристёгивает меня к ремням. Не туго. Ровно настолько, чтобы я не могла убрать руки.

Ещё ремни на щиколотках. Бёдра раздвинуты. Задница выставлена. Я лежу голая, раскрытая, и слушаю, как позади шуршит ткань рубашки Саввы.

– Правила. Ты считаешь вслух. Каждый удар, каждое число. Если собьёшься, начинаем сначала. Если не назовёшь число, он не засчитывается. Если скажешь «красный», всё остановится. Ясно?

– Да.

– Двенадцать. Начинаем.

Первый удар приходит сразу и без предупреждения. Хлёсткий, широкий, он разливается по ягодице жгучей полосой, и я вскрикиваю, прежде чем успеваю сказать:

– Раз.

– Громче.

– Раз!

Второй, по другой ягодице. Два.

Я считаю. Это моё оружие. Три, четыре. Между ударами проходит секунда, две, три, и в эти паузы воздух давит на кожу. Пять. Он бьёт не одинаково: то сильно, то легко, то в одно место, то в другое. Шесть. Я не угадываю, что будет дальше. Семь. Кожа горит. Восемь. Между ног у меня течёт, я чувствую это бёдрами, и мне стыдно, и тут же не стыдно, и злость смешивается с чем-то ещё.

Девять. Десять.

– Одиннадцать, – выдыхаю я после удара.

– Не засчитан.

– Что?

– Ты сбилась. Сказала «одиннадцать» после десяти, но удар был девятый от верха. Ты считаешь по ритму, а не по ударам.

Я лежу, задыхаясь. Он прав. Он бил два раза подряд в одну точку, я посчитала как один.

– Сначала, – говорит Савва.

Ненавижу. Всей кожей, всем телом. Он бьёт снова, и я считаю снова, и теперь слежу за каждым ударом, не за паузами. Один. Два. Три. Задница горит — как после перца. Четыре. Пять. На шестом я уже не думаю ни о чём, только о числе. Семь. Восемь. Девять. Десять. Одиннадцать. Двенадцать.

– Засчитано.

Я лежу, дыша в кожу скамьи. Ягодицы пульсируют. Слёзы текут сами, горячие, и я не вытираю их, потому что не могу. Руки пристёгнуты.

Он проводит ладонью по горячей коже. Осторожно. Пальцы прохладные. Я вздрагиваю, и мне хочется то ли отшатнуться, то ли подставиться.

– Хорошо, – говорит он тихо. – Теперь второй этап.

Меня отстёгивают. Ноги подгибаются, и Филипп подхватывает меня под локоть, не давая упасть. Рука у него тёплая и крепкая. Я встаю, опираясь, и он ставит меня на колени посреди комнаты. Позиция первая. Руки за спиной.

Оба стоят передо мной.

Савва растёгивает ремень. Филипп делает то же самое, зеркально, одновременно, и это пугает: они двигаются так, будто репетировали. Два члена выходят из ткани почти синхронно. У Саввы я уже знаю. У Филиппа другой, чуть длиннее, тоньше, прямой, с гладкой головкой. Оба твёрдые. Оба направлены на моё лицо.

Я смотрю то на один, то на другой, и во мне поднимается одна мысль, трезвая и холодная: у меня два рта нужных не будет. Один.

– Правило, – говорит Савва. – Ты берёшь по очереди. Я говорю, кого и сколько. Руки остаются за спиной. Ты не отводишь глаза от того, кого берёшь.

– А если...

– Без «если».

Он делает шаг, кладёт мне ладонь на затылок.

– Сначала Филипп. Десять движений.

Рука Саввы подталкивает меня влево. Я открываю рот, и Филипп входит.

Вкус другой. Чище, суше, с лёгкой терпкостью. Он не толкается, стоит неподвижно, и мне приходится двигаться самой: губы по стволу, язык под головкой. Я смотрю вверх, ему в лицо. Он смотрит на меня, и у него в глазах нет ничего, кроме внимания. Челюсть чуть напряжена.

– Раз, – говорит Савва. – Два.

Я считаю вместе с ним, про себя. Три. Четыре. Слюна течёт. Я чувствую, как головка трётся о небо, как напрягается ствол. Пять, шесть. На седьмом Филипп кладёт руку мне на макушку, не давит, просто лежит там, и от этого тепла у меня сжимается всё внутри.

Девять. Десять.

– Стоп. Теперь я.

Савва поворачивает мою голову вправо. Я открываю рот снова, и он входит глубже, жёстче, привычнее. Его вкус уже знаком, и это пугает: я успела запомнить. Он держит мою голову обеими руками и ведёт сам.

– Раз. Два. Три. Не закрывай глаза.

Я не закрываю. Глаза слезятся, горло сжимается вокруг головки, слюна капает на грудь. Рядом стоит Филипп с влажным членом, и я чувствую его взгляд на себе. Двое мужчин смотрят, как я сосу третьему... нет. Одному из них, а второй ждёт.

– Восемь. Девять. Десять. Назад к нему.

Меня разворачивают. Опять Филипп. Опять десять. Опять Савва. Я мечусь между ними, как маятник, и каждый раз мне приходится заново находить дыхание, заново принимать вкус и размер, заново приспосабливаться. Это труднее, чем один. Это изматывает и заводит одновременно: пока рот занят одним, я слышу дыхание второго над своей головой.

– Хорошо, – говорит Савва на очередной смене. – Теперь одновременно.

Я не успеваю подумать «как». Они придвигаются. Головки касаются моих губ, одна справа, одна слева. Савва берёт меня за волосы, Филипп за подбородок. Мне открывают рот, и входит сначала один, потом, рядом, второй, только головкой.

Тесно. Рот растянут, челюсть ноет. Я лижу обе головки, насколько позволяет место, и чувствую, как они скользят друг по другу, по моему языку, по моим губам. Слюна течёт ручьём, капает на пол. Я издаю звуки, которых от себя не ожидала: влажные, хлюпающие, срывающиеся.

Я начинаю считать. Это единственное, что держит меня на плаву. Тридцать секунд. Сорок. Минута. Они не двигаются, только держат, и в этой неподвижности весь жар. Я знаю, что им нравится. Знаю, что они смотрят. На каждого из нас здесь по одному взгляду, и все эти взгляды падают на мой растянутый рот.

– Филипп, – говорит Савва.

Один слог. Филипп начинает двигаться. Вперёд, назад, короткие, ритмичные толчки у меня во рту, и Савва подстраивается под него. Я чувствую, как головки по очереди касаются глубины. Горло спазмирует. Из глаз текут слёзы. Я дышу носом, шумно, с хрипом.

– Не геройствуй, – говорит Савва. – Сглатывай, если надо.

Я сглатываю. Слюна и что-то солёное. Один из них уже течёт: смазка, предэякулят. Я чувствую вкус обоих, они смешиваются.

– Лада. Смотри.

Я поднимаю глаза. Два лица над мной, одно спокойное, одно напряжённое. Руки мужчин на моей голове. Они двигаются в унисон, и в зеркале на стене я вижу себя: растрёпанная, красная, с мокрым подбородком и двумя членами у губ.

Видю и считаю: сколько нужно, чтобы они кончили? Минут пять? Десять?

Через четыре Филипп издаёт короткий низкий звук, первый, который я от него слышу. Его бёдра напрягаются.

– Подожди, – говорит Савва. Это Филиппу. – Сначала она.

Что значит «сначала она»? Я не успеваю спросить. Савва выходит из моего рта, Филипп тоже. Меня поднимают. Усаживают на скамью, спиной к краю, ноги раздвигают. Савва опускается на колени между моих бёдер.

– Не двигайся.

Его рот на мне. Язык находит клитор, влажный, горячий, точный. Я не готова. Я вскрикиваю и пытаюсь свести ноги, но руки Филиппа уже на моих коленях, раздвигают, держат. Он стоит рядом, на скамью опирается коленом, и его ладони прижимают меня намертво.

Савва лижет меня жадно, глубоко, сжимая клитор губами, проникая языком внутрь. Я чувствую, как копится жар в низу живота, как поджигаются пальцы на ногах. Я хочу сказать: не надо, дай мне собраться. И хочу сказать: ещё.

– Не кончай.

Это я слышу сквозь шум в ушах. Он оторвался на секунду, чтобы это сказать. Губы мокрые, подбородок блестит.

– Не... я не...

– Не кончай, пока не разрешу.

– Тогда не...

Он возвращается. Язык вырисовывает круги, в такт им я чувствую пальцы Филиппа, которые теперь на моих сосках, сжимают, оттягивают. Мир сужается до двух точек. Я на краю. Я на самом краю, и каждый удар пульса толкает меня вниз.

– Нет, – говорю я. – Нет, я не могу, я сейчас...

– Не смей.

Слова как удар ремня. Я стискиваю зубы. Считаю. Раз, два, три. Не получается. Четыре. Пять. Это невозможно, это просто физиологически невозможно, и я...

– Можно.

Я кончаю с криком, с рывком, с дрожью, которая идёт от затылка до пяток. Савва держит мои бёдра, не отпуская рта, и я чувствую каждый спазм. Филипп сжимает мою грудь, и этот нажим продлевает судорогу. Когда всё стихает, я висну на скамье, обессиленная.

Но это не конец.

– На колени, – говорит Савва, поднимаясь. Подбородок у него мокрый, глаза тёмные. – Оба. Рот.

Я сползаю на пол. Колени дрожат, но слушаются. Они встают по бокам, две пары ног, два члена, налитые, красные, блестящие. Я беру в руки оба. Горячие, тяжёлые, пульсирующие. Начинаю водить, одной рукой по одному, другой по другому, и ртом перехватываю то один, то другой.

– Глотай, – говорит Савва.

Один. Я лижу, сосу, глубоко, до горла. Он напрягается, и я знаю: сейчас. Первая струя в рот, плотная, горячая. Я сглатываю. Вторая. Третья. Я держу его губами, пока он не выдохнет последнее, и слизываю остатки.

Второй уже сам у моего лица. Филипп. Я беру его, тонкий, прямой, и он срывается почти сразу, будто ждал приказа. Сперма бьёт в горло, часть течёт по подбородку. Я сглатываю, сколько могу, остальное подхватываю языком. Он смотрит на меня сверху, и в его лице впервые мелькает что-то живое, почти благодарность.

Я сижу на полу, мокрая, залитая, с горящими ягодицами и пустой головой. На губах вкус двоих. Во рту ни капли: я проглотила всё.

Филипп отходит. Савва протягивает мне полотенце, и я вытираюсь, не глядя на него.

– Засчитано, – говорит он.

Я поднимаю голову.

– Что?

– Ночь. Участвовали оба. Один из тридцати.

Я киваю. Считаю: двадцать девять осталось. Двадцать девять ночей по сорок минут, по шесть часов, по бесконечности.

– Савва Андреевич, – говорю я. Голос хриплый, но ровный. – Заём на Константина Реута вы одобрили лично. Без скоринга. Почему?

Тишина. Филипп, застёгивающий ремень, замирает.

Савва смотрит на меня дольше, чем нужно. Потом отвечает:

– Ты нашла быстрее, чем я думал.

– Отвечай.

– Завтра.

– Сейчас.

– Лада. – Он наклоняется, берёт меня за подбородок. Пальцы тёплые, твёрдые. – Ты в протоколе. Правило второе: ты не отводишь глаза, пока я не скажу. Правило четвёртое: ты не задаёшь вопросов в зале. Выйдем отсюда, и спросишь.

Он отпускает. Идёт к двери. На пороге останавливается и говорит, не оборачиваясь:

– И ещё. Завтра у тебя переговоры с «Альфа-Снабом» в одиннадцать. Платье надень то, что с молнией на спине.

– Зачем?

– Потому что я так сказал.

Дверь закрывается. Я сижу на полу, слушая, как затихают шаги. Рядом остаётся Филипп. Он стоит, потом протягивает мне руку. Я беру её и поднимаюсь. Ладонь у него тёплая, сухая.

Он не говорит ни слова, но, поддерживая меня за локоть, смотрит на дверь, за которой ушёл Савва. Потом на меня. И чуть качает головой: не сейчас.

Я не понимаю, о чём он. Но запоминаю.

Глава 3

Платье с молнией на спине висит в шкафу, как приговор. Тёмно-синее, шерстяное, до колена, рукав три четверти. В нём я выиграла арбитраж в позапрошлом году, и никто на свете не подумал бы, что оно может быть чем-то кроме рабочей одежды. Молния идёт от поясницы до шеи, длинная, потайная. Самой её не застегнуть без акробатики.

Я стою перед зеркалом в одном белье, когда в дверь стучат. Один раз, коротко.

– Войдите.

Филипп. Он заходит, закрывает за собой дверь и останавливается в двух шагах. Смотрит на платье на вешалке, потом на меня. Молча показывает пальцем: надень.

– Я одета.

Он качает головой. Показывает на лифчик.

– Что?

Он повторяет жест. Потом касается собственной груди и убирает руку: нет.

Я понимаю не сразу. Потом понимаю. Савва передал через него распоряжение, и распоряжение вот такое: под платье ничего сверху.

– Он серьёзно?

Филипп смотрит на меня ровно. Это не «да», не «нет», это «выполняй». Я расстёгиваю лифчик и бросаю на кровать. Трусики он не трогает. Видимо, их можно оставить, и я ненавижу себя за то, что почувствовала облегчение.

Платье надеваю сама. Ткань холодит соски, они твердеют, и сквозь шерсть это видно, если присмотреться. Я присматриваюсь. Видно. Не сильно, но видно.

Филипп подходит сзади. Берёт движок молнии и ведёт вверх. Медленно, по сантиметру. Тёплая ладонь следует за металлом вдоль позвоночника, от поясницы до лопаток. Я стою, не дыша. Он доводит замок до шеи, поправляет воротник и убирает волосы с затылка. Одну секунду его пальцы лежат у меня на загривке. Потом он уходит.

Пахнет шерстью, тёплой кожей и ничем больше, и это хорошо, потому что я не хочу сейчас никаких запахов.

В машине Савва сидит рядом, в тёмно-сером костюме. Филипп впереди, у водителя. Я открываю ноутбук на коленях и делаю вид, что работаю. Хотя работаю, на самом деле, но делать вид приходится вдвойне.

– Ты хотела спросить, – говорит Савва, не поворачивая головы.

– Вчера хотела. Сегодня у меня переговоры.

– Спрашивай.

Я закрываю крышку.

– Почему ты выдал Косте заём без скоринга, под подпись, которую узнает любой графолог?

Он смотрит в окно. Мимо идёт набережная, серая вода, мокрый асфальт.

– Мне нужен был поручитель, который умеет читать договоры.

Я жду продолжения. Его нет.

– Это не ответ.

– Это начало ответа. Остальное после тридцатого дня.

– После тридцатого, – повторяю я. – Ты просишь меня работать на тебя целый месяц вслепую.

– Я прошу тебя работать на брата. – Он поворачивается. – Всё, что ты найдёшь, ты найдёшь сама. Я не скрываю документы. Я просто не рассказываю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.